

Глава 1

– Держись, держись крепче, казачок, – атаманом будешь, – приговаривает отец, усаживая на коня.

И он, четырёхлетний Ванька, вцепившись в гриву и судорожно пытаясь не потерять равновесие, как говорится, впервые видит мир из седла.

Каурый медленно идёт. А он растёт и всё уверенней держит поводья.

Вот конь переходит на рысь, и отрок в седле любителю бесконечностью синевы над головой и изобилием миасских нив вокруг.

Затем, раскинув руки в кураже, уже юношей галопом несётся по полю.

Вдруг Каурый останавливается.

Иван с удивлением видит самого себя в поле с вилами у скирд. Рядом Мария, тоже с вилами, помогает ему.

Время замедляется. Их взгляды встречаются, и они нежно улыбаются друг другу.

Внезапно картина меняется. Беспокойное уральское небо грозно темнеет, нависая всё ниже и ниже, отдавая багряным отливом где-то на западе.

А только что поставленный сноп начинает почему-то тлеть, испуская тонкие струйки дыма.

Влюблённые со страхом глядят на разгорающийся пал, отступая от него в разные стороны.

Иван смотрит со страдальческим лицом сквозь зарево пожара на неотвратимо удаляющуюся Марию...

Есаул проснулся.

Некоторое время сидел в темноте с закрытыми глазами, массируя широкой ладонью нахмуренный лоб. Потом с тяжёлым чувством встал и подошёл к окну. Распахнув его, глубоко вдохнул сочную свежесть китайской ночи.

Дневная жара спала, по обыкновению сменилась прохладным воздухом, тянущимся от своенравной Сунгари. Вдалеке фонари высвечивали купол Никольского храма. Немного в стороне угадывался силуэт

торгового дома Чурина. Кругом царила безмолвная ночь. Харбин спал тихим провинциальным сном.

Уже годы прошли с тех пор, как Иван Васильевич Пашнин в 1923 году с уцелевшими остатками белой армии перешёл границу на Дальнем Востоке и получил статус китайского подданного. Теперь он есаул объединённой группы казаков под названием «Оренбургская станица имени атамана Дутова» в Харбине. Всё это время Пашнин под завязку загружал себя работой и общественными обязанностями, чтобы не оставалось времени на мысли о покинутой родине, об оставленных на Урале жене и детях. Однако ночью горечь разлуки выплёскивалась тяжёлыми снами и бессонницей. Особенно в последнее время ностальгия стала настолько тяготить его сердце, что он почти возненавидел ночи.

Понимая, что сегодня уже не уснёт, Иван Васильевич подошёл к столу, зажёл лампу, возле которой вскоре закружил хоровод мотыльков, и взялся за бумагу.

«Дорогая Машенька!» – без всякой надежды на то, что письмо дойдёт до адресата, начал писать он жене, но после первой же строки дрогнувшая рука вынудила его отложить это занятие. Есаул облокотился на край стола и с головой ушёл в воспоминания.

Он помнил Марию совсем юной, такой, какой видел на свадьбе в бесконечно далёком 1910 году.

Им было тогда по девятнадцать. Жили на соседних улицах, их взаимная симпатия не укрылась от глаз родителей, Василия Яковлевича и Татьяны Николаевны. Когда они одобрили выбор сына и состоялся сговор на свадьбу, Иван был окрылён счастьем.

– Господь Бог да благословит вас, дети наши Иван да Марья, и мы, родители, вас благословляем! Живите ладно, честь по чести. И чтоб дом ваш был полной чашей, и деток побольше, и нас, стариков, чтоб не забывали, – после венчания отец с матушкой

по-простому благословляли их семейной иконой у порога.

Молодые трижды перекрестились, к иконе приложились, родителям чинно поклонились. Иван обнял суженую. И, щедро осыпанные хмелем и пшеницей, они вошли в дом.

Свадьбу справляли всей деревней.

Стол в горнице ломился от обилия угощений. На белых скатертях да на глиняных блюдах лежали жареные утки, пельмени с груздями, всевозможные пироги и шаньги. В ход пошли и все огородные разносолы.

Дружка – дядя Егор, как принято, нёс вдоль стола на расписном подносе «сыры» – водку и пряники.

– Пожалуйте, Илья Тимофеевич, отведайте наши «сыры»!

Гость вышел из-за стола, приосанился, поправляя ремень на поясе, и важно отвечал:

– Давайте! Отведаем ваши «сыры»!

А Иван с Марьей, взявшись за руки и едва сдерживая смех, кланялись ему в пояс.

После вкушения рюмки водки и пряничка Илья Тимофеевич, довольно крикнув, произнёс:

– Хороши ваши «сыры»!

– А не желаете ли молодым положить на «сыры»?

– Отчего же, желаем. А положу-ка я им барана! – лихо хлопнул по столу Илья Тимофеевич под одобрительные возгласы присутствующих.

И дядя Егор с подносом продвигался к следующему гостю.

Захмелевшие казаки вспоминали о былой молодости.

– Егда были мы на Дарье-реке... – начал рассказ о туркестанском походе Степан Алексеевич.

Иван не вникал в разговоры. Все его мысли и чувства были заняты только Машей, сегодня особенно желанной в расшитом сарафане с борками и с новой прической, заканчивающейся свадебным венчиком на макушке. Глядя на свою невесту, он пьянел от счастья и её красоты больше, чем от вина.

– Да-а, Ляксеич, было времячко, – поправив неверным движением фуражку, вздохнул Матвей Петрович и, подперев рукой щёку, затянул протяжную песню.

– Как со вечера наш атаманушка поздно спать ложился,

Да как поутречку рано пробуждался,

Да с травушки, с мелкой муравки, росой умывался,

Да тонким шитым полотенчиком утирался...

– Ну, Матвей, завёл тоску. Давай весёлую, мы, чай, на свадьбе! – нарочито задорный голос Авдотьи Семёновны тут же встряхнул компанию.

Ещё раз выпили за молодых, добавили закусок.

– Да што, Семёновна, у нас песнев-то, не бейкнутом – напои вином!

И пошли припевки.

Кто-то начал:

– За Уралом, за рекой, казаки гуляют

И стрелой калёною за реку пуцают.

И уже хором все продолжали:

– Э-ей, живо не робей! Песни распевают.

Э-ей, живо не робей! Песни распевают.

Казаки не простаки, вольные ребята;

У всех на шапках тумак: все живут богато!

Э-ей, живо не робей! Все живут богато!

За припевками, да с гармонью, пустились в пляс. И гуляли «нараспашку», несколько дней.

В грядущем году молодые уже ожидали появления первенца. Жили, как было завещано, ладно и дружно. И не ведали, что немного времени им будет отпущено на семейное счастье.

Зимой 1911 года, сразу после Рождества, подошло время Ивану переходить из приговорительного в строевой разряд, отправляться на военную службу. Справили ему положенное обмундирование, снарядили коня.

– Служи, Ваня, Царю и Отечеству верой и правдою, чести нашей не посрами, – благословляя,ставлял отец.

Прощаясь, стали обниматься. Матушка проследилась. От Маши получил подарок на память – любовно расшитый кисет.

– Не грусти, Мария Фёдоровна, время пролетит – не успеешь оглянуться, – обнимая, говорил ей Иван, весёлой нотой стараясь скрасить нелёгкую минуту расставания. – Береги дитё.

Ко двору провожать пришла вся родня.

Иван подошёл к своему коню, поклонился ему в ноги.

– Поедем, Каурый, на службу. Ты был мне верным другом в учении и забавах, не выдай и в трудную пору!

Сел на снаряжённого коня, помахал всем провожающим и поскакал в Миасскую на призывной пункт.

Уже за селом Иван обернулся и посмотрел на родное Пашнино. И впервые его сердце защемило при виде кажущихся издали такими маленькими и похожими друг на друга, как опята в грибнице, домишек с дружно курящимися в морозное небо печными трубами.

Комиссия определила его в 3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска. Это наименование полк получил всего с десяток лет назад, и потому все по привычке ещё продолжали называть его 3-м Оренбургским. Когда-то славу полка составили казачьи сотни, служившие в Туркестанском военном округе. А потом преобразованный полк вошёл в 12-ю кавалерийскую дивизию Киевского военного округа и стал дислоцироваться в городке Волочиске Волынской губернии.

Путь к месту службы был впечатляюще долог. За суровой мощью уральских снегов молодому казаку открылось привольное, серебром покрытое раздолье поволжских степей, которое сменили лёгким ветром колеблемые ковры малоросских просторов. И он воочию увидел масштаб и величие империи, в которой родился и который имел счастье теперь служить.

После общего осмотра створки бранцев полка начался отбор кандидатов в учебную команду. Обучение в ней приводило к повышению в чины младшего офицерского состава. Иван успешно выдержал отбор: и строгий медицинский осмотр, и теоретические экзамены (по арифметике, чтению и чистописанию), и испытания по физической и строевой подготовке.

Ещё в станичной школе он отличался успешными результатами в учёбе. На уроках был сообразителен и быстро схватывал материал, а на полевых учениях – подвижен, выносив и меток в рубке лозы. «Быть моему Ивану вахмистром», – мечтал Василий Яковлевич, с гордостью прикрепляя в горнице к стене школьный похвальный лист сына.

Теперь же, получив белые петлицы 3-го Уфимско-Самарского полка на воротник и обшлага мундира, Иван усердно изучал азы воинского устава, основы конного строя, топографические карты в учебной команде полка. А из дома получил весточку о рождении дочери Александры.

В мае 1912 года он был произведён в приказные; в октябре, по окончании всего курса учебной команды, получил чин младшего урядника. А потом, как способного к военному ремеслу, его направили в Киев – для специального обучения телеграфному и телефонному делу.

В Киев Пашнин прибыл в мае 1913 года.

Огромный город ошеломил его. Старинная архитектура, величественный вид на Днепр с Цепного моста, в каштановом наряде Бульварное шоссе, фуникулёр на Александровской улице, циркломром на Фундуклеевской... Богатство истории сплеталось с новой модой и техническими новинками, и вся городская жизнь проходила с размахом.

Конопатый мальчишка с сумкой наперевес и зажатой в руке газетой телепался вдоль улицы и оглашал её новостями:

– Свежая «Киевская мысль»! Покупайте! Подробности судебного процесса о причинах аварии на дизельной подводной лодке «Миного»! Свежая «Киевская мысль»!

Он замолчал, несколько раз пошмыгал носом, переводя дыхание, и снова звонко заголосил:

– Свежая «Киевская мысль»! Перелёт авиаторов из Севастополя в Киев! Господа, покупайте!

Иван купил у мальчишки-разносчика газету, и они потом долго и увлечённо спорили на курсе о будущих возможностях авиации.

Конечно, за тот год, что учился в Киеве, нечасто удавалось выбраться за пределы гарнизона Печерской крепости, но иногда в строгой армейской дисциплине всё же обнаруживались прорехи.

В августе 1913-го в Киеве проходила Первая Всероссийская спортивная олимпиада, и они с однокашниками очень постарались, чтобы попасть на стадион «Спортивное поле». Четыре дня соревнований собрали на трибуны стадиона тысячи зрителей. Грандиозность мероприятия поражала воображение даже самих горожан. Что уж говорить о неискушённых курсантах! Они были в восторге.

Хотелось гуртом успеть везде: и на футбольные матчи, и на состязания по гимнастике, и на десятиборье. Олимпиада запомнилась ему ярче всех событий, выбивавшихся из череды учебных будней того далёкого довоенного года.

Учился Пашнин старательно. Курсы связистов были ускоренные, но основам передового военного дела выучили добротнo. Вспоминая сейчас то время, Иван Васильевич понимал, какое большое влияние на него оказала командировка в Киев, дав в руки военную специальность. Он окончил курс обучения как «выдающийся». В марте 1914 года был произведён в старшие урядники.

Полный радужных чаяний, Иван отбывал в свой полк. До выхода на льготу оставалось чуть более полугода. Он мечтал уже о возвращении домой, на родную станицу. Держа в руках Марьян кисет, чувствовал, как невыносимо соскучился по своей лубушке. И занозой сидела в сердце мысль, что дома три года уже без него растёт дочь.

Глава 2

Само убийство Франца Фердинанда в июне, с которого всё закрутилось, не оставило особого отпечатка в его памяти. Но в течение месяца мир скатился к порогу войны.

Полк перевели на военное положение. Уже сточили дисциплину, усилили посты, плотность и характер учений. В полку спешно готовились к приёму двух сотен дополнительных сабель.

И всё же не чаял он тогда, что начнётся мировая война. Хотя её дыхание явно ощущалось все предыдущие годы. К ней технически готовились, о ней часто говорили. Но к растущей опасности успели привыкнуть. Мнилось, что до прямого столкновения крупных держав между собой дело не дойдёт. А коли случится схватка, то война скоро и неминуемо будет выиграна. Так думали многие в канун войны. И он тоже так думал. Впрочем, в те последние дни старого мира, стремительно испаряющегося от кипящей в воздухе агрессии, он исправно нёс возросшую нагрузку в полку и больше делал, чем думал.

Ясность наступила 20 июля, когда командир полка Геврасий Жуков зачитывал перед строем Высочайший Манифест императора:

– *«Дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров»,* – голос полковника, как сквозь вату, глухо отдавался в напряжённой тишине. – *«Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что приняты меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну»¹.*

– Всё, братцы, война... – тихо сказал, словно выдохнул, кто-то одесную. Вот так и вышло, что война случилась неожиданно, хотя была ожидаема.

¹ Высочайший Манифест Николая II от 20 июля 1914 г. о начале войны с Германией.

Следующие несколько дней прошли верхом в строю и с бравурными маршами. Такое их количество Иван не слышал с 1912 года, когда в полку с размахом отмечали столетний юбилей Бородинской битвы.

В эти дни ещё ждали реакции Австро-Венгрии на объявленную войну Германии и России. Впрочем, даже не реакции, следуя логике развития событий, ждали и с её стороны объявления войны.

– Ничего, братья, одолеем германца, куда ему супротив нас, – рассуждал, прикуривая, Ефимка Баландин. – Ещё пожалеют, с кем связались.

– Знамо дело, зададим и австриякам перцу, – пошмеиваясь, поддержали его остальные.

Помолчали.

Закручивая папироску, Карпей Шадрин сплюнул и негромко запел:

*Не белая зоренька да занималася,
Да не красно солнце выкатилось,
Да как со вечера приказ отдан был,
Да во полу-то ночи собираться стал...*

Маховик войны начинал раскручиваться натужно медленно, как неразъезженное колесо новой телеги. 24 июля выполнили первую боевую задачу: произвели разведку пограничного района. Потом полк прикрывал развёртывание 12-го армейского корпуса.

За неделю с мыслью о начавшейся войне вполне свыклись.

26 июля казачий сполох поднял полк на построение. Только одиночные конские всхрапы разрезали лёгкий утренний туман.

– *«Объявляю всем верным Нашим подданным!.. Австро-Венгрия ... сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей её России... ополчились обе могущественныя немецкия державы... не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей империи, боремся за правое дело... Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце»².*

С каждым произносимым словом сталь в голосе полковника Жукова нарастала, и Иван чувствовал, как она, соединяясь с ударами его сердца, эхом отдаётся в груди. Звуки последовавшего за Высочайшим Манифестом гимна «Прощание славянки» лились, казалось, прямо из сердца, настраивая только на одно: «Мы победим!» Полковой священник отслужил молебен и, благословляя на защиту Отечества, окропил всех святой водой.

Казачи ступили на австрийский берег реки Збруч.

Заметив вдали ряды окопов, ощерившихся ружейными дулами неприятеля, сотня по команде выстроилась в боевой порядок. Старший урядник Пашнин находился со своими казаками во второй шеренге.

– На молитву, шапки долой!

² Высочайший Манифест Николая II от 26 июля 1914 г. о начале войны с Австро-Венгрией.

Перекрестился:

– В руце Твои, Господи, предаю дух мой. Ты же мя благослови, Ты мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь.

– Пики к бою! Шашки вон!

Секунды до выхода на рубеж атаки сильно растянулись во времени. Ивана поразило то, как обострилось чутьё. Он успевал одновременно отслеживать обстановку и наблюдать за собой, как бы со стороны подмечая мысли и переживания. Отметил, как волевым усилием подавил начавший было подниматься изнутри нервический импульс.

– В лаву арш, арш!

Поднятый конницей гул земли соединился с гиком всадников в одну предельно низкую ноту. Фон её звучания, как стрелами, прорезывал своеобразный свист пуль. Мощное чувство слияния собственных воли и сил с множеством таких же воли и сил людей и коней в единую стремительную лаву захватило всё его существо. Возникло другое измерение происходящего. Его действия растворились в общей живой массе и стали подчиняться инстинктам и логике боя.

Густой ветер в лицо. Первое звено берёт к правому флангу.

– За первым! На десна!

Уже близко позиции австрийцев.

– Низ каски! Низ каски цельсь!

Шеметом. Ещё взмах шашкой. Тикающие солдаты. Ошую истошно: «На-а-йн!». Крик оборвался хлюпающим звуком. Окопы позади... Преследуем в руб... Сбавляем скорость. Сдюжили.

Пашнин встретился с потемневшими, сверкающими животным азартом глазами приказного Васильева.

– Любо! Загнали под шесток! – оскалился тот нервно-торжествующей улыбкой, успокаивающе похлопывая своего взмыленного коня.

Иван подумал, что и у него, поди, сейчас такой же страшный взгляд. Он приобнял Каурку за шею, преодолевая устоявшееся в памяти тошнотворное ощущение запахов свежей крови, конского пота и оседающей пыли.

Постепенно выровнявшееся дыхание и лёгкий ход Каурога передали успокоение и ему самому. В тот момент Пашнин понял, что время разделилось для него на до и после боя. Главное – он почувствовал вкус битвы. Понял, что может делать то, чему был с детства обучен, в условиях настоящего боя: бесстрашно идти навстречу смерти и побеждать.

Из сегодняшнего дня эти первые выпады противоборствующих сторон казались ему только пробой сил. В то же время в их сотне появились тогда первые раненые и убитые.

Вспоминая сейчас те галицийские стычки, Пашнин с гордостью сознавал, что они сразу показали моральное превосходство казаков, легко сминавших ряды австрийских солдат. В сторону атакующей казачьей конницы австрийцы начинали робко стрелять, а подпустив ближе к окопам, просто не выдерживали напора яростно несущегося на них и

манёвренно рассеивающегося по флангам смертоносного вихря. После короткого промежутка хаотической пальбы они бежали. Быстро пасующий противник раззадоривал! Атаки казаков нарастали. Они лавой теснили австрийские войска вглубь их территории. Теснили последовательно и неукротимо. Теснили так, как умеет это делать только слаженная казачья конница.

А потом, после очередного дня боевого похода и обустройства на ночлег, медленно таял долгий августовский вечер. Костерок утешал уставших бойцов. Неспешно текла беседа. Ум начинал млеть от пристального взгляда на огонь. Но отдельные, изредка вспыхивающие искорки снова пробуждали внимание. Да иной раз в душе какого-нибудь казака вдруг просыпалась песнь. Тихонько споёт, как бы для себя, а думы облегчит всем.

*Казак клинком побреется,
Казак дымком согреется,
Коль ночевать приладится,
Везде ему тепло.
Казак росой умоется,
Шинельюю покроется
И утром тихим зареным
Поднимется в седло.*

После повечерья незаметно подкралась ночь. И установилась совсем уже влажная тишина, порой прерываемая лёгкими всхрапами сонных коней...

Между тем к середине августа Галицийская операция, целью которой было возвращение под имперский скипетр старинных русских городов Львова и Галича, перешла в стадию генерального сражения. После первого отступления части австро-венгерской армии скопили силы на рубежах двух рек – Золотая Липа и Гнилая Липа. Австрийцы закрепились и готовились к серьёзному сопротивлению. Общий фронт в Галиции охватывал более трёхсот верст.

Третий Оренбургский полк пошёл в наступление 17 августа у Руды. До рассвета совершили маршманёвр. Поддержанные артиллерией, форсировали топкую, заболоченную Гнилую Липу. И с ходу врезались в пехоту противника.

Пашнин запомнил этот день навсегда. Запомнил даже не потому, что это было уже по-настоящему тяжёлое сражение, потребовавшее такого предельного выплеска физических и душевных сил, которого он даже в себе не ожидал, а потому, что потерял в бою коня.

Пуля поразила Каурого, и с резким ржанием он начал заваливаться на бок. Иван успел вытащить ногу из стремени и сгруппироваться при падении. Упал почти вплотную к орущу-корчившемуся от полостной раны австрийцу. Пришлось доколоть. Конь хрипел в предсмертных судорогах. Несколько мгновений Иван прикрывался его издыхающим телом и потом, оценив обстановку, продолжил биться уже спешенным.

Бой шёл долго. Перевес австрийцев давал о себе знать. Когда возникла угроза окружения, поступил приказ всем спешиться, отойти в лес. Лесной бой продолжался остаток дня. В какой-то момент управление в сотне оказалось потеряно, и Пашнин стал командовать по своему усмотрению. Он чередовал партизанские методы обороны в лесу с контратаками в пешем строю. Только вечером к их участку подошли пехотинцы 65-й дивизии. Авангардом из двух батальонов они атаковали противника и развернули наступление.

В пылу ожесточённой битвы думать о Кауром Пашнину было некогда. Но потом боль от потери дорогого боевого спутника казнила его душу.

Каурку он знал ещё жеребёнком. Помнил день, когда его подарил крёстный. Помнил, как выпаивал молоком, купал в ильменьке, ходил с ним в ночное. Помнил, как Каурка рос, превращаясь из несуразного, забавного кулёмышы в доброго строевого коня. Сколько всего ими вместе пережито: школьных учений, станичных смотров, купаний в Сугояке, джигитовок и игрищ. Сколько вёрст пройдено! Они безгранично доверяли друг другу. Иван настолько сроднился с конём, что давно уже не мыслил без него жизни. И вот теперь потерял его. Казалось, оторвали часть души, и саднящая рана внутри не переставая глухо тянет и томит. Сердце отяжелело и огрубело. И он не смог выдать из себя слёз.

Гибель Каурого стала первой в открывшейся с началом войны череде утрат того, что было дорого и мило, что составляло суть его жизни. Да, он не ведал, что потом предстоит потерять всё...

А в тот час, вспомнив себя малолеткой с подрастающим Кауркой в станице, Иван с новой силой ощутил, насколько мается душа думами о доме. Вот только нужно быстрее закончить войну и с победой вернуться на родину.

Глава 3

Спустя три дня после битвы на Гнилой Липе казаки были на подступах ко Львову. В десятке вёрст от города столкнулись с полевыми укреплениями австрийцев. На окраине села Сокольники те вырыли траншею, а за ней соорудили заграждения из кольев, опутанных колючей проволокой.

Авангард полка неожиданно напоролся на пулемётный огонь. Всадники замешкались у заграждений. Запутавшиеся в петлях, раненные шипами проволоки кони испуганно заржали и стали неуправляемыми. И всю эту скученную живую массу прицельно и густо накрыл огненный дождь. С тяжёлыми потерями казаки отступили.

Колючая проволока вкупе с пулемётами сделала австрийские укрепления непреодолимыми для конницы и пехоты. Бреши в заграждениях можно было пробить снарядами. Но артиллерия оказалась отведена на такие же укрепления к соседям. Связавшись по телефонной линии, узнали, что помощь

будет, но нужно ждать, неизвестно сколько. А снизить темп наступления было крайне нежелательно: австрийская армия не должна была получить передышку.

И тогда, сидя в телефонном отделе, Пашнин вылезал ночью с группой сапёров снять проволоку. Затея дерзкой вылазки – под пулемётным огнём разрезать и стащить колючку – казалась безумной. Но Иван почему-то верил, что всё получится.

Под покровом ночи, вооружившись баграми, они по-пластунски добрались до траншеи. Вблизи картина оставшихся после злополучного боя разтерзанных, а в отдельных местах повисших на заграждениях тел выглядела устрашающе. Но сейчас за ними можно было попытаться укрыться от обстрелов. Для этого с помощью багров сапёры подтянули, где возможно, туши коней к краю траншеи.

При любом движении в сторону заграждений австрияки тут же начинали поливать огнём.

– Заработали, адские косильщики, – зло процедил, чертыхнувшись, Иван Поздеев. – Да чтоб у вас, треклятые, снаряды все позакончились.

– Два орудия у них? – посмотрел на командира Лопатин.

Пашнин утвердительно кивнул. Он разделил сапёров на две группы, поставив задачу производить отвлекающие манёвры. За брустверами из конских туш они должны как бы багрением проволоки шумно имитировать попытки её снять. А порежет проволоку он сам.

– Побольше шума, махания баграми! Лишний раз из траншеи не высовываться!

– Слушаюсь.

– С Богом!

Себе в помощники, как вторую пару глаз и рук, Пашнин взял только юркого казачка Фёдора Заплатина.

Царапучая австриячья двужилка тянулась по верху и вдоль забора, местами провисая кольцами. Фёдор багром тихонько подтягивал проволоку к земле и ближе к траншее, а Иван её резал ножницами, приноравливаясь к стрекоту пулемётов. Перекрученные нити проволоки так густо нашпигованы шипами, что, казалось, не за что ухватиться. Влажное железо скользило. Шипы впивались в пальцы, резали мелкими лезвиями. Там, где мог, он просто рубил проволоку бебутом.

Пулемётные очереди временами замолкали, и тогда они с Заплатиным тоже затихали на дне траншеи. После короткой передышки огненные трещотки заново начинали пляску смерти.

– Цепляй, стягивай багром, – указал он Заплатину на участок срезанной колючки, а сам переместился на новое место.

Иван торопился успеть порезать и порубать как можно больше проволоки, пока австрийцы не разнюхали подвох. К моменту, когда в их сторону открыли огонь, в заграждениях был почти расчищен от колючки второй намеченный участок и затуплен клинок. Пришлось произвести перегруппировку

сапёров. Кровь багровыми струйками сочилась по иссечённым многочисленными порезами рукам, но Иван не замечал этого.

До рассвета сапёрная команда провела в «проволочной» операции, пока в заграждениях вырезали крупный проём. В него и устремилась атака казаков. Злой, вошедший в раж Пашнин не мог остановиться на половине дела и тоже ринулся в атаку.

Укреплённый лагерь австрийцев взяли. Много было пленных. Повсюду валялись трупы.

Казак обступил захваченный пулемёт.

– Вот он, подлюка!

– А снарядов, ящиков-то сколько, ядрёна вошь!

Наступление в тот день не останавливали и к вечеру заняли форты Львова. Австрийцы, выбитые русскими войсками с двенадцати укреплённых полевых рубежей, уклонились от городских боёв и оставили город.

Пашнина разыскал сам командир полка.

– Молодец, старший урядник Пашнин! Герой! Сокол! – обнял его, похлопал по плечу, уважительно подержал забинтованные руки. – За твой подвиг сегодня же отпишу представление тебя на Георгия!

Львов... Была радость от крупной победы, от похвалы! Но он помнил и то, как воспалённые раны на руках превратили наступившую ночь во Львове в сущий ад.

До конца августа австрияки не оставляли попыток отбить Львов и Галич. Все они с треском проваливались, и бои шли на десятки и сотни вёрст западнее этих городов.

В местечке Гуменец австрияки ночью неожиданно напали на их лагерь. С родной телефонной трубкой в одной руке, а другой – закрывая от грохота ружейной пальбы свободное ухо, Пашнин на станции срочно пытался связаться со штабом дивизии.

– На... пр... ззз... шшш...

Ещё попытка. И опять лишь обрывки слов, переходящие в шипение.

– Старший урядник! Пашнин, быстрее! Нам без подмоги не справиться!

Снова проверил аппарат. Техническая неисправность. Похоже, где-то оборвался провод. Мигом перекинув полевую сумку с инструментами через плечо, схватил аппарат телефона, другой рукой подхватил катушку с телефонным кабелем (эх, жаль, что рук всего две!) и нырнул в грохочущую темень ночи.

Как назло, вторые сутки шли ливни с ураганным ветром. От скверной погоды земля раскисла, скользила и чавкала под сапогами. Согнувшись в три погибели и пиная катушку перед собой, Пашнин двигался вдоль пути связи, вилкой для прокладывания кабеля нащупывая с трудом различимый в ночи намокший провод. Он настолько сосредоточился на задании, что не только забыл про промозглую непогоду, но и почти не различал звуков идущего боя. Часто провод утопал в грязной жиже. Тогда он вилкой поднимал его и проверял. Дорогу перегородило поваленное ветром дерево. Острый

край сломанного ствола пришёлся прямым на провод.

– Вот и обрыв линии, – прошептал сам себе Пашнин. – Будем чинить.

Освободить кабель из-под дерева не получилось. Отрезал кусок, погребённый под деревом. Отмотал новый, катушечный. Срастил концы. За этим напряжённым занятием он совсем потерял ощущение времени. При свете дня такую работу выполняет связист с группой помощников. Сколько же прошло времени? Но бой, слышно, идёт... Кинулся для проверки связи к аппарату полевого телефона. Сигнал есть. Сразу же передал в штаб дивизии весть о падении на Гуменец, запросил подмогу.

В ту памятную ночь Иван с избытком испытал на себе и до дрожи пронзающие уколы дождя, и хлёсткие плети ветра, по уши намесил придорожной грязи. Связь постоянно обрывалась. Он ещё трижды с телефонной станции делал вылазки на её восстановление. Всё тогда сошлось для их полка в одно сплошное испытание: неравный бой, ночь, ненастье. Но они выстояли. Сообщение со штабом дивизии держали. Подмогу дождались.

С 27-го, двое суток напролёт, шли непрекращающиеся бои. Австрийцы из последних сил пытались переломить русский успех в Галиции. Обеспечив превосходство на Галич-Львовском направлении, прорвали фронт, их армии едва удалось закрыть его, удержать позиции. Пешим и конным атакам, артиллерийским дуэлям был потерян счёт.

При растянутом фронте распутица – наказание для связиста. И установившаяся львовская мжичка (характерный для здешних мест мелкий обложной дождь) изрядно осложняла положение. Пашнин то работал в цепочке связи, то, опережая шальные пули, вестовым носился с донесениями между штабом дивизии и частями полка. И покрутился же он тогда!

Наконец 29 августа произошёл перелом. И уж теперь австрияки не отступали, а бежали. Показались они гожа, как колесо с горы! Отдельные австрийские корпуса были подчистую разбиты. Захвачено много орудий и знамён. Сложно даже оценить масштаб разгрома вражеской армии. Повсюду на дорогах валялись брошенные обозы с оружием, повозки с припасами.

Хотя окружения избежали: отступили за реку Сан, на которой начался сильный паводок. Но всю Восточную Галицию к середине сентября русская армия заняла, выйдя к Карпатским перевалам. Отвоевала тот лоскут Австро-Венгерской империи, который Россия считала по праву истории своим. Ликование было велико. И Пашнин ликовал. К тому же радость общей победы для него соединилась с личным успехом. Он, почитай, за седмицу боёв заслужил сразу три Георгиевских креста. Теперь интенсивность боёв снизилась. И награды прибыли к герою одновременно.

А ещё пришло долгожданное письмецо из дома. Пашнин с волнением развернул бумагу и начал читать. Маруся писала:

«Здравствуй, свет мой Иван Васильевич! Кланяются тебе родители, Василий Яковлевич и Татьяна Николаевна, а также жена твоя Мария. Дома у нас всё исправно. Пшеничку засеяли. К покосу готовимся. За нас не думай, у нас всё хорошо. Как ты там служишь? Истомились уже без тебя, родимый. Братец Михаил передаёт поклон. Дочь твоя Ляксандра растёт, ждёт свою тятеньку. Ждём все, когда с тобой свидимся».

Письмо было писано в начале лета, ещё до войны. Иван несколько раз перечитал его. Бережно держа на ладонях, уткнулся лицом в бумажный лист, вдохнул запах родного дома. Потом свернул лист и засунул в карман мундира.

Народ в Галиции проживал разношёрстный. Городские паны ходили насторожены и угрюмы, зыряка исподлобья глазами-буравчиками. Не советовал бы к таким поворачиваться спиной... А простые селяне, тем паче близкие по вере (русины и украинцы), встречали миролюбиво. Многие из них таили обиду на венскую власть, в канун и с началом войны начавшую притеснять их из-за подозрений в симпатиях к русским. Кто-то и впрямь надеялся на улучшение жизни с присоединением к России. Так что селяне охотно пускали казаков на постой, принимали радушно. А уж продать что-то из своей продукции завсегда им было любо. Но только не курительный табак. В Австро-Венгрии продажа табака составляла монополию правительства. Поэтому достать его тут было негде, ни за какие деньги.

О таковой досаде вскоре распознали газетчики и подали идею организации благотворительных посылок с махоркой на фронт. Как писали, для облегчения походной жизни.

Осенью и прибыла к ним в полк такая посылка. На имя командира полка, с пометкой «для раздачи нижним чинам». Она показалась чудным явлением из далёкого, почти забытого мира. Не скрывая радости, заскучавшие по махорке казаки получали свою долю, возбуждённо переговаривались, шутили. К махорке прилагалась папиросная бумага: чистая, аккуратно сложенная чьими-то заботливыми руками, приятно хрустящая на раздаче.

– Эх, давненько не нюхал махорочку, – с наслаждением потянул носом Шамшурич и тут же начал смачно чихать.

Лукаво щурясь, Михей Кадышев выждал паузу и начал разговор издалека.

– Пётр, давеча-то спорили мы с тобой... Коль изволишь, могу взять должок с тебя табачком, – как бы между прочим закинул он удочку и многозначительно поправил ус.

Вопрос повис в воздухе. Казаки рассмеялись.

А потом устроили перепляс. Состязались, вестимо, на махорку.

Под задорный наигрыш гармоники развернулся поединок между лучшими плясунами полка – Фёдей Мокеевым и Митрием Маленьких. Казаки обступили «сцену», увлечённо считали, следили за

тем, чтобы движения не повторялись. Счёт коленам шёл на четвёртый десяток. Оба плясуна подустали, но никто не хотел уступать первенства. На ходу сочиняли, под уважительные присвисты зевая, всё новые искромётные комбинации.

Митрий из положения лежа выпрыгнул на ноги и на корточках показал заливхватский маятник.

– Во даёт! – слышались удивлённые восклицания и хлопки в толпе.

Фёдор в ответ встал на голову и виртуозно проделал ногами в воздухе несколько фигур.

– Лихо пляшет!

Уж и гармонист притомился раздувать мехи, а зажигательный перепляс всё продолжался...

В конце октября осень легла снежным покровом в Карпатах. И хотя наступление шло в обход гор, по так называемому Краковскому коридору, в предгорьях было ненамного теплее. Постоянное ощущение стылой хмари щупальцами заползло под нательную одежду и пробирало до костей. Ноги зябли от месива холодной водянистой грязи. Сапоги быстро начинали просить каши. А после сезона мороси резко похолодало, и началась гололедица.

На фоне такой бесконечно дрянной погоды разворачивалась Ченстохово-Краковская операция. 3-й Уфимско-Самарский полк работал тогда в связке с 65-й пехотной дивизией, охраняя левый фланг 34-й. Пашнин был занят на телефонной станции, обеспечивал связь сразу трёх дивизий – 65-й и 34-й пехотных и 12-й кавалерийской. Целыми днями неутомимо и методично выстукивал азбукой Морзе дробь, телеграфируя оперативные сообщения.

Первого ноября полк получил приказ о проведении разведки отступающего противника в сельце Борыня. Пашнин пошёл в разведгруппе связистом. Задание выполнили, но в селении попали под жестокий артобстрел. Связь со штабами прервалась. На дорогах вновь царила несусветная распутица, не позволяя вестовым по старинке быстро доставить сведения. И потому ничего не оставалось, как на участке прямого попадания артиллерийских снарядов восстанавливать телефонную связь. Иван ползал с полевой сумкой и катушкой вдоль линии связи, находя и устраняя обрывы кабеля. При звуках очередного прилёта замирал, вжимаясь в мёрзлую земляную кашу. Потом удивлялся в душе, что ещё жив, и продолжал выполнять приказ дальше.

От Борыни, в которой они, наконец, дождались авангарда атакующих частей своей дивизии, пошли в наступление на Бескиды. Вскорости австрияков отбросили с Бескидских позиций. А к середине ноября взяли стратегически важный Лупковский перевал – ключ к Венгерской равнине.

За блестящее, как было сказано, выполнение задач по обеспечению связи в ходе прошедшей операции, его наградили Георгиевским крестом – теперь уже I степени.

– Bravo, старший урядник, три месяца войны, а у тебя уже кресты всех четырёх степеней, – гордился своим орлом полковник.

Скоро выяснилось, что Пашнин оказался первым полным Георгиевским кавалером среди всех казачьих войск и кавалерии Российской империи. В полк пожаловал Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, лично поздравил и торжественно вручил по такому случаю подарок – чистокровного скакуна.

Сногшибательное событие, после первого шока, повергло полк в восторг. Казаки долго и шумно качали Пашнина. Потом наперебой поздравляли.

– Чистой агличкой породы коник! От самого Главнокомандующего!

– Старшего урядника Пашнина – вот кого Бог прямо в темечко поцеловал!

– После войны на такого жеребца, на улучшение породы, от станичников отбою не будет. Разбогатеш! – мечтательно цокал языком урядник Башков.

– Хватили, после войны... Да тогда на грудь полный комплект орденов – и гоголем по улице выхваляться, – шутиливо гримасничал балагур Новиков.

Иван добродушно посмеивался, изредка потирая нос от смущения. Он впервые был до такой степени в центре всеобщего внимания. Хотя нельзя сказать, что это было ему неприятно.

Породистый вороной красавец Булат на годы стал предметом одновременно гордости и зависти собратьев-однополчан.

А в начале следующего года Пашнину вручили ещё и почётную шашку – подарок от Оренбургского казачьего войска. Ножны её украшало золото, а на клинке разместилась надпись: *«3-й военный отдел Оренбургского казачьего войска своему доблестному сыну, первому из всей кавалерии и казаков Георгиевскому кавалеру всех четырёх степеней старшему уряднику Миасской станицы Ивану Васильевичу Пашнину, 1914 год».*

Полковник Жуков торжественно объявил, что средства на шашку собирались по всем станицам Троицкого отдела Оренбургского войска. Долго в полку гадали: во сколь же обошлась такая шашка?

Отходя ко сну, уже смежив веки, Иван вдруг живо представил, как станичный атаман сообщал о его боевых заслугах семье, как отец был рад и горд, как на сборе, обсуждая его подвиги, станичники скидывались на шашку. Размечтавшись, осёк себя: *«Так и вправду начну выхваляться...»*

И всё же... Четыре года строевой службы минуло. И если бы не война, то ехать бы ему завтра до дому. Но если бы не война, то и не иметь бы ему ни высоких наград, ни породистого скакуна, ни золотой шашки.

«Ничего, дожмём супостата», – подвёл итог он собственным философским размышлениям и со спокойной совестью предался сну.